

С.В. Потрашков

Генерал А.П. Тормасов во главе 3-й Резервной обсервационной армии (май – сентябрь 1812 г.)

В отличие от участников Бородинской битвы, воинам, сражавшимся в Отечественную войну 1812 года на северном и южном флангах, как-то не очень повезло с памятью потомков. События на главном, московском направлении своим масштабом и драматизмом затмили славу победителей при Кобрине, Клястицах, Полоцке. Если подвиги корпуса П.Х. Вигтенштейна, защищавшего подступы к столице, были увековечены в монументах и полотнах баталистов, то 3-я армия А.П. Тормасова, прикрывавшая южные губернии, так и осталась «фигурой умолчания». Единственный памятник ее победе в Кобрине был разрушен еще поляками в 20-е годы прошлого столетия. Живописцы вообще обошли вниманием первый успех русского оружия в 1812 г. Историки в своих сочинениях упоминают об армии А.П. Тормасова вскользь, и то не всегда. Сложившаяся на сегодняшний день ситуация не позволяет рассчитывать на то, что власти Украины и Беларуси, на территории которых вела бои 3-я армия в 1812 г., предпримут шаги по увековечению событий 1812 г. даже в связи с приближающимся 200-летним юбилеем.

Отдавая дань уважения «забытым» героям 1812 г., автор намерен осветить действия 3-й армии на первом этапе войны, обратив главное внимание на деятельность ее главнокомандующего – генерала от кавалерии Александра Петровича Тормасова.

3-я Резервная обсервационная армия создавалась для решения ряда задач: обеспечивать левый фланг и тыл 2-й Западной армии П.И. Багратиона со стороны Варшавского герцогства, наблюдать за австрийцами в Галиции и Буковине, охранять порядок и спокойствие в Волынской и Подольской губерниях[1].

А.П. Тормасов получил назначение на пост главнокомандующего в марте 1812 г., формирование же самой армии началось только в мае. Ее основу составили войска 2-й Западной армии и резервные части. К моменту вступления А.П. Тормасова в должность формирование армии еще не было полностью завершено, и к началу войны некомплект ее личного состава составлял около 10 %[2].

Сжатые сроки, в которые была сформирована 3-я армия, значительное количество резервных батальонов и эскадронов в ее составе создали у противника впечатление, что эта армия не представляет серьезной боевой силы. Известно мнение Наполеона, высказанное в одном из писем к Бертье, что «... корпус Тормасова... это не иное что, как сброд третьих батальонов, необученных рекрутов, которые могут быть употреблены только для удержания в повиновении жителей страны»[3]. В действительности только корпус Ф.В. Остен-Сакена в какой-то мере мог соответствовать этой характеристике. Полки же 18-й, 15-й и 9-й пехотных дивизий, Павлоградские и Александрийские гусары, Владимирские, Тверские, Таганрогские драгуны были в своей массе старыми, закаленными в боях солдатами, участвовавшими в кампаниях 1805–1807 гг. с французами и 1806–1812 гг. с турками.

Опытными генералами были и подчиненные А.П. Тормасова: начальник штаба армии И.Н. Инзов, командиры корпусов С.М. Каменский, Е.И. Марков, Ф.В. Остен-Сакен. Что касается кавалерийских начальников, то К.О. Ламберт и Е.И. Чаплиц были одними из лучших в русской армии. Таким образом, войска 3-й Резервной наблюдательной армии были вполне боеспособны, что они вскоре и доказали.

Сам главнокомандующий, хотя и был одним из старейших полных генералов русской армии, последние 20 лет провел преимущественно на административных должностях и редко становился во главе войск.

Победы на Кавказе, приписываемые биографами А.П. Тормасову, в действительности были результатом усилий его соратников: П.С. Котляревского, Д.Т. Лисаневича и др.[4] Поэтому Тормасов-полководец не был известен войскам. Да и сам он был лишен харизмы военного вождя. Командир пехотной бригады генерал-майор В.В. Вяземский зафиксировал в дневнике свои первые впечатления о новом начальнике: «...смотрел главнокомандующий мой полк и был доволен. Ни слова солдату перед войною, ни “здравствуй” офицеру перед тем, что он должен иттить пеш, терпеть нужду и несть голову. Э, Тормасов, ты, как видно, мирной главнокомандующий»[5].

Вступив в должность, А.П. Тормасов столкнулся с целым рядом проблем. Слишком большая, в сравнении с численностью армии, протяженность отведенного ей фронта не позволяла прикрыть все важные пункты и опасные направления. Положение усугублялось отсутствием четких сведений о неприятельских планах вторжения и неясностью позиций Австрии, подписавшей с французами союзный договор. Соседи Тормасова – П.В. Чичагов и П.И. Багратион – наперебой убеждали его изменить дислокацию войск, руководствуясь при этом соображениями безопасности собственных армий.

П.В. Чичагов в письме от 25 мая сообщал о подозрительных приготовлениях Австрии и предлагал сблизить войска обеих армий с целью взаимного подкрепления в случае нападения с ее стороны[6]. П.И. Багратион в посланиях А.П. Тормасову от 4 и 11 июня выражал опасения, что неприятель «ударит на Волынь или Брест-Литовский», «воспользуется пространством нас разделяющим, и ворвавшись у Владовы или Бреста ударит в правый фланг армии предводительствуемой вами... обойдет в тыл оной» и предлагал притянуть правый фланг 3-й армии севернее «за Дивин на половину расстояния к Кобрину»[7].

Эти прогнозы и просьбы явно беспокоили А.П. Тормасова. Он не

считал возможным растягивать фланги армии и в то же время не мог оставаться безучастным, понимая обоснованность тревог своих соседей. В связи с обращением П.В. Чичагова А.П. Тормасов пишет 30 мая военному министру М.Б. Барклаю де Толли: «Пространство, занимаемое ныне вверенной мне армиею, столь протяженно, что в случае внезапных покушений, и начатий неприятельских действий без совершенного открытия каких-либо пунктов отделение войск произвести не можно...». Поставленный в затруднительное положение как неясностью ситуации, так и просьбами соседей, он обращается к министру «испросить Высочайшее начертание, дабы в подобных случаях руководствуясь им, мог выполнять я обязанности звания моего»[8].

«Начертание» последовало в письме военного министра от 9 июня. Перед 3-й армией были поставлены более конкретные задачи: прикрыв границу одной пехотной дивизией и частью конницы, сосредоточить основные силы около Луцка. Отсюда, в случае наступления главных сил противника против 2-й армии, действовать ему во фланг и тыл. Если же главный удар неприятеля окажется направлен на 3-ю армию, ей следовало отходить к Киеву [9].

Извещая П.И. Багратиона о полученных инструкциях, А.П. Тормасов заверил его, что изберет «дорогу самую кратчайшую для действий в тыл неприятеля». Одновременно он сообщал, что не намерен растягивать свой правый фланг: «При нынешних обстоятельствах разбрасываться мне никак не должно. Лутше быть в одном пункте сильну чем во многих слабу». А.П. Тормасов обнаруживает в этом послании ясное понимание главной цели Наполеона в войне и в этой связи подчиненного значения защищаемого 3-й армией направления. «Весьма согласен с мнением вашим, что продовольственная часть на Волыни и другие ожидания должны, кажется, понудить неприятеля воспользоваться ими; однако же сего ожидать не можно, ибо цель его войны состоит в

нанесении решительного удара для получения мира, а не вести войну продолжительную: занятием же Волыни прекращения войны достигнуть не может...»[10]

Вторжение войск Наполеона нарушило планы русского командования. 16 июня П.И. Багратион уведомил А.П. Тормасова об отходе своей армии через Слоним к Минску. В то же время перед фронтом 3-й армии противник не предпринимал активных действий. Разрыв между флангами обеих армий стал стремительно увеличиваться. А.П. Тормасов забеспокоился, так как имевшиеся у него директивы не предусматривали подобной ситуации. Опасениями за судьбу вверенной армии он делится с военным министром 20 июня. Отступление 2-й армии, пишет он, привело к тому, «что правый фланг мой сделался открытым». Недостаток легкой конницы не позволял прикрыть позицию при Луцке, протянуть линию постов к Бресту и вдоль Припяти к Пинску, «дабы неприятель малыми отрядами не мог пробраться и, беспокоя меня с тылу, тревожить и возмущать край». Неясной оставалась позиция Австрии: «действительно ли границы Австрии могут считаться совершенно... неприкосновенными от перехода неприятельских войск». Для исполнения предписанных ему наступательных действий А.П. Тормасов просил подкрепить его резервными дивизиями и двумя–тремя полками донских казаков. В тот же день он направляет М.Б. Барклаю де Толли еще одно письмо, где сообщает о полученном уведомлении, «что через австрийскую Галицию есть намерение ворваться в край наш... Ежели действительно сие будет, то охранять Тарнопольскую область мне не возможно, ниже держаться в сем крае, когда силы их будут слишком превосходны и притом в нескольких пунктах наступление сделают тогда принужденным найдусь отходить к назначенному пункту...»[11].

22 июня противник открыл наконец операции на юго-западном направлении. Австрийский корпус К. Шварценберга форсировал

Западный Буг и занял Брест, Кобрин и Янов. Вплоть до конца июня австрийцы лишь маневрировали и не пытались атаковать войска 3-й армии.

Отступавший под напором превосходящих вражеских сил П.И. Багратион чуть ли не ежедневно слал А.П. Торماسову письма с просьбами скорее приступить к выполнению директивы от 9 июля – занять Пинск и оттуда ударить во фланг неприятеля. Но А.П. Тормасов медлил, вероятно, ожидая новых указаний главного командования. Наконец 5 июля было получено письмо М.Б. Барклая де Толли, содержащее «высочайшие повеления» главнокомандующему 3-й армии, в основных чертах повторявшие предыдущую директиву. Новым важным элементом была информация, «что со стороны австрийской границы можем быть мы покойны». Поэтому, оставив для ее охраны, а также поддержания «тишины и спокойствия между жителями» Волынской и Подольской губерний небольшое число войск, главнокомандующему предписывалось главными силами армии решительно действовать во фланг и тыл неприятеля, устремленного против армии П.И. Багратиона[12].

Получив «высочайшее повеление», А.П. Тормасов незамедлительно приступил к действиям. 8 июля главные силы армии перешли в наступление на войска неприятеля, находившиеся в Бресте, Кобрине и Пинске.

Несколькими днями раньше, 3 июля, авангард армии, которым командовал К.О. Ламберт, совершил рекогносцировку в пределы Варшавского герцогства. Обнаружив, что там почти нет войск, К.О. Ламберт предложил А.П. Тормасову направиться в глубь герцогства и захватить Люблин. Но главнокомандующий строго держался направления в Гродненскую губернию, указанного директивой военного министра, и отказался от предприятия, сулившего большой успех и

способного изменить стратегическую ситуацию на правом фланге наполеоновской армии[13].

В Гродненской губернии силам 3-й армии противостоял саксонский корпус Ж.-Л. Ренье, сменивший здесь по приказу Наполеона в начале июля австрийцев. Это был один из самых маленьких корпусов Великой Армии и накануне похода в Россию насчитывал всего 18 510 человек[14]. «Число войск корпуса отряженного на Волынь, было несоразмерно ни с важностью цели его действий, ни с силами, против которых он двигался, и это произошло от недостатка в положительных сведениях о силе нашей армии, расположенной на южном театре действий», – констатировал М.И. Богданович[15]. Просчет Наполеона, недооценившего силы А.П. Тормасова, едва не привел саксонский корпус к катастрофе.

План А.П. Тормасова предусматривал отвлечь демонстративными действиями внимание Ж.-Л. Ренье к Янову и Пинску, а в это время зайти в тыл саксонскому корпусу со стороны границы Варшавского государства.

Распоряжения главнокомандующего были исполнены успешно. В результате слаженных и решительных действий авангардных отрядов 13 июля был занят Брест, а спустя два дня окружена и разгромлена саксонская бригада генерала Кленгеля в Кобрине. Обстоятельства этой первой в 1812 г. русской победы хорошо известны. Она была одержана при полном превосходстве сил над противником, что нисколько не умаляет ни ее значения, ни заслуг А.П. Тормасова, ибо одно из главных правил военного искусства, как известно, заключается в том, чтобы оказаться сильнее в нужном месте и в нужное время.

Противник, напротив, допустил серьезные ошибки. Узнав о наступательном движении русских, Ж.-Л. Ренье, вместо того чтобы поскорее вернуть бригаду к главным силам корпуса, приказал Кленгелю оставаться на месте. Сам же, отвлеченный маневром отряда

А.П. Мелиссино, двинулся в противоположную от Кобринской сторону, чем и обрек Кленгеля на изоляцию и поражение.

Победа при Кобрине имела большой резонанс. Тылы наполеоновской армии от Галиции до Пруссии были охвачены паникой, ожидая появления русских войск. Наполеон отказался от намерения присоединить корпус К. Шварценберга к главным силам Великой Армии и приказал ему двигаться на выручку Ж.-Л. Ренье, лишив себя таким образом 30 тыс. солдат.

В русском лагере известие о победе укрепило патриотические настроения и оптимизм относительно исхода войны как в армии, так и среди гражданского населения.

Любопытно проследить, как по мере удаления от места событий масштабы победы при Кобрине значительно преувеличивались. А.П. Торماسов на следующий день после боя сообщал П.И. Багратиону «о совершенном разбитии и покорении всего отряда саксонских войск, занимавших город Кобрин»[16]. П.И. Багратион писал в Москву Ф.Ф. Растопчину о том, что «в г. Кобрине, Тормасов разбил корпус саксонцев, взял пушки и знамена»[17]. М.Б. Барклай де Толли в приказе по 1-й Западной армии извещал войска «о совершенном истреблении корпуса вражеских войск». Так тактический успех вырос в глазах современников до размеров стратегической победы. А главнокомандующий 3-й армии стал национальным героем.

В кругах командования русской армии усилилась критика М.Б. Барклая де Толли за стратегию отступления. После успехов А.П. Тормасова на южном фланге и П.Х. Витгенштейна на северном от М.Б. Барклая де Толли ожидали наступательных действий. Александр I писал ему 30 июля: «Присланное от вас ко мне донесение генерала Тормасова возвещает также не только о знаменитой самой по себе победе, но еще более важной потому, что генерал сей действует теперь во фланг и

в тыл неприятелю. Столь благополучная начала служат преддверием и подают твердую надежду на счастливое окончание нынешней кампании... Я с нетерпением ожидаю известия о ваших наступательных движениях, которые, по словам вашим, почитаю теперь уже начатыми»[19].

От щедро награжденного А.П. Тормасова (он получил орден Св. Георгия 2-го класса и 50 тыс. руб.) также ожидали продолжения решительных действий. Всего в 20 верстах от главных сил 3-й армии находился значительно ослабленный корпус Ж.-Л. Ренье, а К. Шварценберг был еще далеко. Немедленное наступление «имело бы, по всей вероятности, следствием совершенное уничтожение сего корпуса и могло дать самый благоприятный оборот нашим действиям на южном театре войны»[20]. Однако вместо этого А.П. Тормасов продвинулся от Кобрина до Антополя, где и простоял с 20 по 28 июля в бездействии. Столь продолжительную остановку главнокомандующий объяснял необходимостью пополнить недостаток в продовольствии и фураже.

За эту остановку А.П. Тормасову впоследствии пеняли как современники (Е.И. Чаплиц, А.Г. Щербатов), так и позднейшие исследователи (М.И. Богданович, П.А. Ниве)[21]. Справедливости ради отметим, что недостаток продовольствия не был пустой отговоркой. Этот факт зафиксирован в Журнале авангарда 3-й армии и в дневнике В.В. Вяземского как раз в период с 14 по 24 июля[22]. Тем не менее, на наш взгляд, он не может служить извинением за упущенный шанс уничтожить саксонский корпус. В поступках А.П. Тормасова этого времени администратор явно берет верх над полководцем. Он предпочел «синицу в руках» и упустил военное счастье. Будь на месте А.П. Тормасова П.И. Багратион или другой более энергичный генерал, возможно, ход войны был бы иным.

Возникшую в ходе боевых действий паузу сполна использовал

противник. Австрийский и саксонский корпуса, соединившись в Слониме 22 июля, в свою очередь, перешли в наступление, имея теперь численное превосходство, А.П. Тормасов приготовился встретить их на крепкой позиции у с. Городечня. Позиция эта с фронта была прикрыта болотистой речкой, с правого фланга – болотом, с левого – непроходимым лесом. К 30 июля здесь сосредоточились главные силы армии, численностью 18 тыс. человек. Еще примерно 13 тыс. были разосланы главнокомандующим отдельными отрядами в разных направлениях и не успели присоединиться к главным силам. Таким образом, не сумев сосредоточить на позиции у Городечни все войска, А.П. Тормасов оказался вдвое слабее противника, что обрекло его на оборонительную тактику.

Другая ошибка командования 3-й армии заключалась в слабой разведке местности. Лес на левом фланге оказался проходимым не только для пехоты, но и для артиллерии. Это выяснилось утром 31 июля, когда войска саксонского корпуса стали выходить из леса и строиться перпендикулярно левому флангу русской позиции, угрожая обойти ее и ударить в тыл. В ходе развернувшегося сражения А.П. Тормасов принял правильное решение, проявив при этом хладнокровие и распорядительность: войска левого фланга развернулись лицом к противнику, с правого фланга к угрожаемому участку были переброшены подкрепления. Сражение при Городечне продолжалось с 9 часов утра до 10 часов вечера. О его результатах А.П. Тормасов с полным основанием мог доложить Александру I: «Все усилия неприятеля остались тщетными, войска вашего императорского величества не уступили ему ни одного шага, не дали ему ничем воспользоваться и взяли у него 230 человек в плен с 4 офицерами...»[23] К числу факторов, обусловивших благополучный для 3-й армии исход боя, следует также отнести высокие боевые качества войск и пассивность австрийцев перед фронтом русской

позиции.

Сохранявшееся превосходство противника, способного повторить обход Городечненской позиции, вынудило А.П. Тормасова в ночь после боя отойти к Кобрину. «Здесь пехота отряда Чаплица и отряда Ламберта сбилась вместе, десять разных двусмысленных приказаний, то от того, то от другого, – как главнокомандующего известили, что неприятель обходит Кобрин. – Армия наша стала в верстах в 3-х от Кобрина на Дивинской дороге. Генерал-майор Сиверс приехал и сказал, чтоб всякий полк бегом присоединился к армии; все бросилось и побежало, кавалерия вплавь, пехота топчет друг друга, и конфузия страшная. Едва могли мы в местечко привести полки в порядок... В сию ночь мы потеряли до 500 отставших и разбредшихся», – записал в дневнике В.В. Вяземский. Ответственность за случившееся он целиком возлагал на командование армией: «Главной наш штаб и не подумал в свое время отправить обозы, больных и раненых, не был деятелен, и оттого весь хаос. – Не думали о починке дорог, и оттого после последовала потеря некоторой части обоза. Кавалерия не получала несколько дней овса, будучи в беспрестанных трудах. Также худое распоряжение»[24].

Причины и цели своего отступления А.П. Тормасов изложил в письме военному министру, отправленном из Ратно 7 августа: «Охранение Волынской губернии, из запасов коей получает армия мне вверенная свое продовольствие, есть необходимо; оставаться долее в тех местах, где я находился, без изнурения вверенной мне армии невозможно; край сей... совершенно разграблен, все пусто; жители, возмущенные Варшавскою конфедерациею, скрылись в леса и болота, где находясь преграждают сообщение войск, нападают на транспорты и партии и схватывают курьеров... Транспортировка запасов по причине чрезвычайно трудной дороги чрез болота... не только затруднительна, но почти невозможна. Все сии соображения и сказывающийся после многих

сражений недостаток в военных снарядах понудили меня выступить обратно в пределы Волынской губернии и ожидать присоединения войск Дунайской армии. <...> Я предполагаю по сближении Дунайской армии к Дубно, начать снова наступательные движения»[25].

Неприятельские войска настойчиво преследовали 3-ю армию. По подсчетам Б.С. Абалихина, с 1 по 15 августа она провела не менее 13 крупных боев[26]. Наконец, оторвавшись от противника, армия сосредоточилась на правом берегу р. Стырь, где оставалась до соединения с Молдавской армией в начале сентября. В ходе боевых действий на южном фланге наступило затишье.

Все это время командование русской армии ожидало от А.П. Тормасова наступательных действий. В день Городечненского сражения М.Б. Барклай де Толли направил ему письмо, где выражал надежду на «быстрые движения», которыми «как от вас Отечеству надеяться должно, переселите войну на вашей стороне в границы коварных соседей». В другом послании он предписывал А.П. Тормасову «действовать быстро, безостановочно в тыл неприятелю и истреблять его войска, какие вам попадутся...» В том же духе инструктировал А.П. Тормасова и назначенный главнокомандующим М.И. Кутузов[27].

Медлительность А.П. Тормасова вызывала у военного министра разочарование. Вынужденный оправдываться за непрерывное отступление, он винит в срыве наступательных действий командующего 3-й армии. Упреки в адрес А.П. Тормасова звучат в письме П.В. Чичагову 31 июля: «...решение же участи войны быстрыми и наступательными действиями зависит непосредственно от Молдавской и 3-й армии и сие соответствует общему плану войны... Если бы 3-я армия действовала согласно с сим, то теперь верно уже находилась бы в сердце герцогства Варшавского или лучше сказать около Минска и угрожала противустоящего нам неприятеля той опасностью, которой он как видно

по осторожности его, даже ныне еще, но к нещастию нашему тщетно от оной ожидает»[28].

Мнение М.Б. Баркляя де Толли стало известно Александру I и повлияло на его решение передать командование соединенными Молдавской и 3-й армиями П.В. Чичагову. «Из двух я, по искренности с вами, признаю способнее адмирала Чичагова по решимости его характера», – писал царь М.И. Кутузову 1 сентября. «Но не хочу я огорчать генерала Торماسова и потому нахожу приличнее вызвать его к армиям, вами предводительствуемым, как бы по случаю раны князя Багратиона. По приезде же генерала Торماسова от вас будет зависеть употребить его по вашему рассмотрению... Сохраните сей рескрипт в тайне, дабы не оскорбить впротчем весьма уважаемого мною генерала Тормасова»[29].

17 сентября флигель-адъютант А.И. Чернышев привез царские инструкции П.В. Чичагову и письмо М.И. Кутузова А.П. Тормасову – передать командование армией адмиралу и отправиться в главную квартиру. Этот неожиданное известие застало А.П. Тормасова в разгар наступательных действий против войск К. Шварценберга, которые 3-я армия вела вместе с Молдавской. Он, очевидно, не сразу разобрался в смысле полученных повелений. По признанию П.В. Чичагова, в инструкциях Александра I «ни разу нигде не сказано, что начальство над этими армиями и соединенными корпусами будет поручено мне. Все, что относится до мысли о командовании, изложено так неопределенно, так неуместно многоречиво, что с первого же шага генерал Тормасов не счел себя в праве передать свою армию»[30]. Надо полагать, конфликт был улажен благодаря письму М.И. Кутузова, и 21 сентября П.В. Чичагов вступил в командование соединенными армиями.

Так завершилось четырехмесячное пребывание А.П. Тормасова во главе 3-й армии, оказавшееся кульминацией его военной карьеры и

принесшее ему всероссийскую известность.

8 октября А.П. Тормасов прибыл в Тарутино. Хотя новая должность выглядела вполне значительной, сам генерал расценивал отстранение от самостоятельного командования как опалу. Это видно из его письма к управляющему военным министерством А.И. Горчакову: «Неожиданная перемена, последовавшая в положении моем, чрез которую смею сказать, что я обижен с самой чувствительнейшей стороны, то есть со стороны чести, отняла у меня всю охоту к службе, если бы я не уповал на справедливость монаршию и не принимал волю его за священный для меня закон. Но со всем тем ваше сиятельство согласитесь со мною, что и мнение публики не может быть для меня равнодушно: она имеет права считать меня виновным в каком либо важном преступлении, видя меня лишенным команды и следовательно доверенности государя... Я наказан чувствительно, не могу не желать оправдать себя и просил бы суда, ежели бы не опасался прогневить государя, коего милость мне безценна и на справедливость коего всю свою надежду полагаю»[31].

Впоследствии император имел возможность пожалеть о сделанном им выборе, о чем свидетельствует разговор, состоявшийся между ним и А.П. Тормасовым в августе 1814 г., приведенный в мемуарах В.И. Штейнгелем: «Александр Петрович, ты на меня сердисься за то, что я армию твою отдал Чичагову, я думал, что он, как личный враг Наполеона будет действовать с полной энергией, я ошибся». Тормасов отвечал на это: «Государь, и я никогда другом Наполеона не был». «Знаю, – прибавил государь, – я виноват, но постараюсь загладить это»[32].

Мнения историков о деятельности А.П. Тормасова в 1812 г. существенно расходятся. А.И. Михайловский-Данилевский, исходя из патриотической концепции своих сочинений, воздерживался от иных оценок, кроме положительных. Он, в частности, писал: «Во все время

своего четырехмесячного предводительства, единою бдительностью и благоразумными распоряжениями, не прибегая к строгим мерам, умел он сохранить Подолию, Волынь и Тернополь в безмятежном спокойствии, несмотря на подсылку тайных возмутителей из Варшавы»[33].

В труде М.И. Богдановича уже звучали критические нотки, хотя общая оценка также оставалась позитивной. Особенно досталось А.П. Торماسову от авторов работ, вышедших в юбилейном 1912 г. «Победой при Кобрине, впрочем, и ограничивалась вся слава Тормасова в Отечественную войну... Талант его, как полководца, не принадлежит к числу первоклассных... Это был лишь человек, добросовестно относящийся к своим делам. Вспыльчивый же его характер, надменное отношение к подчиненным, излишняя строгость и требовательность во всем, чрезмерная скупость на награды делали графа Тормасова далеко не популярным среди его сослуживцев и подчиненных», – писал подполковник В.П. Федоров в третьем томе «Отечественной войны и русского общества»[34].

Советская историография высоко оценивала деятельность А.П. Тормасова. По мнению известного военного историка Л.Г. Бескровного, «Действия армии Тормасова представляют значительный интерес с точки зрения проведения широкого маневра на театре войны. Располагая меньшими силами и действуя в сложном районе, Тормасов успешно разрешил поставленную ему задачу. Правда, он не мог, как этого ожидала от него Главная квартира, переселить войну “в границы коварных соседей”, но уже то, что ему удалось приковать к себе два корпуса противника, оказало серьезное влияние на весь ход военных действий»[35]. Победа при Кобрине рассматривалась как классический пример окружения наступающего противника[36].

Из работ современных российских авторов можно упомянуть статью А.Н. Васильева о Кобринском сражении в журнале «Сержант».

Хотя в ней не дается оценка деятельности А.П. Торماسова, но отмечается заметная роль, которую сыграла эта победа в ходе Отечественной войны: некоторое ослабление Великой Армии в разгар боевых действий и большое положительное влияние на моральный дух русских войск и настроение общества[37].

Существующий разброс мнений оставляет открытой проблему глубокого и всестороннего изучения деятельности А.П. Торماسова во главе 3-й армии в 1812 г. Тем не менее мы осмелимся дать собственную оценку.

В период командования 3-й армией в действиях А.П. Тормасова явно наблюдается стремление следовать полученным сверху «начертаниям», не выходя за их рамки даже при возникновении благоприятных обстоятельств. Он поступал предельно осторожно и предпочел частный успех у Кобриня риску масштабной наступательной операции против всего правого фланга Великой армии в условиях ненадежного тыла и плохого снабжения. Здесь уместно вспомнить слова Л.Л. Бенигсена о том, что «таланты генерала Тормасова не соответствуют с его усердием и храбростию»[38].

В то же время с точки зрения стоявших перед 3-й армией задач и имевшихся в распоряжении сил достигнутые А.П. Тормасовым результаты дают все основания констатировать, что он вполне соответствовал занимаемому посту, и оценка Л.Г. Бескровного не является преувеличением.

В заключение приведем высказывание А.И. Михайловского-Данилевского, по нашему мнению, достаточно точно характеризующее черты военного таланта нашего героя: «Как полководец, Тормасов принадлежал к тем военным людям, которые не ослепляют блестящими качествами, но умеют извлекать победу из глубокого соображения обстоятельств, местности и неприятеля, почитая

иногда выигрышем уже и то, если их соперник не находит средств победы. <...> Но когда для победы надлежало сражаться, не колебался он ни минуты вступить в бой»[39].

Примечания

1. *Абалихин Б.С.* Отечественная война 1812 года на юго-западе России. Волгоград, 1987. С. 22.
2. Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1910. Т. 13. С. 160–164 (Далее – Материалы ВУА).
3. *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. С. 538.
4. *Ушаков С.* Деяния российских полководцев и генералов ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах, с кратким начертанием всей их службы, с самого начала вступления в оную. СПб., 1822. Ч. 1. С. 270–273.
5. *Вяземский В.В.* «Журнал» 1812 г. // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 195.
6. Материалы ВУА. Т. 12. С. 212.
7. Бумаги относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П.И. Щукиным. М., 1904. Т. 8. С. 240 (Далее – Бумаги П.И. Щукина).
8. Материалы ВУА. Т. 12. С. 272.
9. *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 24.
10. Бумаги П.И. Щукина. Т. 8. С. 244, 245.
11. Материалы ВУА. Т. 13. С. 233.
12. Материалы ВУА. Т. 17. С. 130.
13. Там же. С. 311, 312.
14. Tradition Magazine. Hors serie. № 3. P. 70.
15. *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 317.
16. Бумаги П.И. Щукина. Т. 8. С. 268.
17. *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 74.
18. Бумаги П.И. Щукина. Т. 8. С. 442.
19. *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 67, 68.

20. *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 324.
21. Отечественная война 1812 г. в рассказе генерала Чаплица // Рус. старина. 1886. Т. 10. С. 489; *Щербатов А.Г.* Мои воспоминания. СПб., 2002. С. 74, 75; *Ниве П.А.* Отечественная война. СПб., 1911. Т. 1. С. 140.
22. Материалы ВУА. Т. 17. С. 314; 1812 год... Военные дневники. С. 201.
23. Материалы ВУА. Т. 16. С. 36.
24. 1812 год... Военные дневники. С. 206.
25. Материалы ВУА. Т. 16. С. 31.
26. *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 36.
27. Материалы ВУА. Т. 12. С. 169, 180; М.И. Кутузов: Документы. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 84, 112.
28. Материалы ВУА. Т. 12. С. 168.
29. М.И. Кутузов: Документы. Т. 4, ч. 1. С. 224; *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 117, 118.
30. *Дитерихс М.* Адмирал Павел Васильевич Чичагов: Биограф. очерк // Воен.-ист. вестн. 1910. № 7, 8. С. 81.
31. *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 330.
32. Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 192.
33. *Михайловский-Данилевский А.И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах: Воен. галерея Зимнего дворца. СПб., 1845. Т. 1, Вып. 3. С. 7, 8.
34. Отечественная война 1812 г. и русское общество. М., 1912. Т. 3. С. 109.
35. *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 336.
36. Развитие тактики русской армии: Сб. статей. М., 1957.
37. *Васильев А.Н.* Кобринское сражение 15 июля 1812 г. // Сержант. 2001. № 3(20). С. 13–16.
38. *Вильсон Р.Т.* Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С. 125.
39. *Михайловский-Данилевский А.И.* Император Александр I и его сподвижники... Т. 1, вып. 3. С. 10.